

Круглый стол АСПЕКТЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ТЕКСТА И ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81'33

Кирдун Алла Анатольевна, кандидат филологических наук
Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь
Электронная почта: allakirdun@belstu.by

Kirdun Alla, Candidate of Philological Sciences
Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus
e-mail: allakirdun@belstu.by

РЕШЕНИЕ НЕТИПОВЫХ ДИАГНОСТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ В СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ (из опыта проведения)

Описаны типовые диагностические задачи судебной лингвистической экспертизы и представлен опыт решения нетиповых диагностических задач: определение уровня языковой компетенции фигуранта уголовного дела и выявление лингвистических признаков понимания / непонимания смысла адресованных ему вопросов (реплик).

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза; экспертные диагностические задачи; языковая компетенция; речевые нормы; смешанная речь; диалогическое единство.

SOLVING ATYPICAL DIAGNOSTIC TASKS IN FORENSIC LINGUISTIC EXPERTISE (From the Experience of Conducting)

Typical diagnostic tasks of forensic linguistic expertise are described and the experience of solving atypical diagnostic tasks is presented: determining the level of linguistic competence of a person involved in a criminal case and identifying linguistic signs of understanding / misunderstanding the meaning of questions (replicas) addressed to him.

Key words: forensic linguistic expertise; expert diagnostic tasks; language competence; speech norms; mixed speech; dialogical unity.

В теории судебной лингвистической экспертизы (далее – СЛЭ) к диагностическим (т. е. не связанным с отождествлением) относят задачи по выявлению смысла единиц различных уровней (слов, словосочетаний, предложений-высказываний, текста), установлению наличия / отсутствия в тексте информации определенного типа / содержания, определению значения / формы выражения значения и отнесение их к определенному классу и др. [1, с. 23]. Каждая такая задача может быть самостоятельной (конечной) в рамках конкретного экспертного исследования. В таком случае разрешению подлежат вопросы типа «*В каком значении употреблено слово / словосочетание “...” в тексте, поступившем на исследование?*», «*К какому слову или словам*

в предложении “...” относится определение “...”?), «Употреблено ли слово / словосочетание “...” в представленном на исследование тексте в значении ‘...’?»), «Содержится ли в тексте информация о передаче денежных средств / наркотиков / ...?» и др. Однако часто задачи по экспликации значений языковых единиц или поиску той или иной информации в речевом произведении являются промежуточными, т. е. их решение необходимо для ответа на вопрос, содержащий более сложную, многокомпонентную, задачу. К таковым относятся вопросы, которые ставятся в связи с рассмотрением дел об оскорблении («Содержатся ли в материале (указание конкретного речевого произведения) лингвистические признаки унижения? Если да, то содержатся ли в материале (указание конкретного речевого произведения) лингвистические признаки неприличной формы выражения?»), об угрозе («Содержатся ли в высказывании / тексте (указание конкретного речевого произведения) лингвистические признаки угрозы совершения каких-либо действий?»), о противодействии экстремизму («Содержатся ли в тексте (указание конкретного речевого произведения) лингвистические признаки призыва? Если да, то к каким конкретно действиям призывают адресата?»), «Содержатся ли в тексте (указание конкретного речевого произведения) лингвистические признаки возбуждения вражды, ненависти по отношению к следующей группе лиц (конкретизация группы)?») и мн. др.

Решение описанных диагностических задач (т. е. задач, связанных с поиском / выявлением в речевом произведении значений, конкретизированных в вопросе) осуществляется сегодня уже не стихийно-интуитивно, как это было на первых этапах становления СЛЭ, а на основе теоретически и методически проработанных технологий, инкорпорированных в экспертные методики (см, например, [1–8]). Другими словами, выше представлены те диагностические задачи, которые, во-первых, являются частотными в практике производства СЛЭ, а во-вторых, их решение имеет методическое обеспечение. Не претендуя на терминологическую однозначность, подобные задачи условно характеризуем как типовые. Однако диапазон диагностических задач (в том числе и классификационно-диагностических), которые могут решаться в рамках СЛЭ, значительно шире. На практике возникают ситуации, когда эксперту для выполнения запроса на лингвистическую помощь необходимо осуществить поиск научной информации по существу поставленных вопросов и содержащихся в них задач и самостоятельно определить технологию исследования речевого материала. Отметим, что в законодательстве Республики Беларусь о судебной экспертизе прямого указания на самостоятельность эксперта в выборе методов и методик нет, однако она вытекает из системного толкования положений п. 1. ст. 8, п. 2. ст. 9 Закона Республики Беларусь от 18.12.2019 № 281-З «О судебной экспертной деятельности», абз. 6 п. 2 ст. 236 УПК Республики Беларусь и др.

Далее представлен опыт решения нетиповых диагностических задач в рамках экспертизы, назначенной по делу об убийстве, совершенном группой лиц еще в 2005 г. Обстоятельства, в связи с которыми потребовались знания в области лингвистики, были следующими.

Одним из обвиняемых являлся К**, молодой мужчина, имеющий особенности индивидуально-психологического развития. В ходе следствия в 2005–2006 гг. К** давал признательные показания об обстоятельствах убийства в соучастии с иными лицами, однако в суде в 2006 г. отказался от этих показаний. Обстоятельства сложились таким образом, что всем обвиняемым, в том числе и К**, был вынесен оправдательный приговор. В 2018 г. следствие по делу было возбуждено вновь. К** все же признал свою вину и стал давать показания об обстоятельствах совершения инкриминируемых преступлений. Другие обвиняемые то признавали, то отрицали свое участие в совершении убийства, указывали на несостоятельность показаний К**, связывая ее в том числе и с индивидуально-психологическими и психическими особенностями К**.

В вопросах, адресованных эксперту-лингвисту, содержались, среди прочих, задания определить уровень языковой компетенции (владения русским языком) обвиняемого К** и наличие / отсутствие лингвистических признаков понимания / непонимания К** смысла вопросов (реплик), адресованных ему на русском языке. Исследованию подлежала устная речь К**, зафиксированная во время процессуальных действий в четырех видеозаписях 2005 г., одной видеозаписи 2006 г., трех видеозаписях и одной аудиозаписи 2019 г. Объем и разборчивость речевого материала были признаны достаточными и пригодными для решения поставленных вопросов. В качестве рабочего использовалось определение языковой компетенции как «собственно лингвистического уровня владения языком, подразумевающего знание и владение грамматической и словарной сторонами языка» [9, с. 60].

В ходе лингвистического исследования установлено, что устная речь К** является интерферированной, гибридной. Иначе говоря, в речи фигуранта смешиваются нормативные и ненормативные явления русского и белорусского языков. Причем смешение имеет две разновидности – *уровневое* и *линейное*. Уровневое смешение проявляется в том, что по фонетико-интонационному оформлению высказывания К** соответствуют белорусскому языку, а по лексической наполненности – русскому и белорусскому языкам. Кроме того, лексические единицы русского языка могут иметь грамматические формы белорусского языка (например: *на почках* при норме рус. *по почкам*, бел. *на нырках*), а лексические единицы белорусского языка – формы русского языка (например: *зачапілася* при норме рус. *зацепилась*, бел. *зачапілася*). В речи К** также присутствуют словоформы, в которых может быть «русское» начало, но «белорусская» основа и окончание или наоборот – «белорусское» начало, но «русская» финальная часть, например: *этыя* (рус. *эти*, бел. *гэтыя*), *аны* (рус. *они*, бел. *яны*), *дзе-та* (рус. *где-то*, бел. *дзесьці*). Линейное смешение в речи К** проявляется через обозначение одного и того же объекта, понятия или явления лексемами то белорусского языка, то русского (часто за счет репродукции лексических единиц из русскоязычных реплик собеседников). Например: бел. *грошы* – рус. *деньги* («Яны мне казалі: “Пашли. Украдзём там грошы...”»), «Яна гаворыць: “У мяне німа. Дзе я табе вазьму гэтыя дзеньгі,

у мяне німа”», «П** *на́чаў успамінаць пра дзеньгі*»); бел. *бацька* – рус. *отец* («*І мне бацька гавора: “Каб ты там быў, гавора, <...> і вам бы такое было”*», «*Да, ацец прысутстваваў*» и др.); бел. *трохі* – рус. *чуть-чуть* («*Быў Р** трохі выпіўшым*», «*Я тама чуць-чуць выпіў*» и др.) и др.

Во всем массиве речи К** не было выявлено ни одного фрагмента, в котором его смешанные высказывания чередовались бы с высказываниями на русском или белорусском языке. При этом практически каждое высказывание К** содержало отклонения от речевых норм двух языков, в том числе: искажение слов («*палама́тае*» при норме рус. *полóманное*, бел. *палама́нае*; «*матафон*» при норме рус. *магнитофон*, бел. *магнітафон*; «*сашэ*» при норме рус. *шоссé*, бел. *шашá*); употребление «слов-паразитов» («*ну*», «*бля*», «*каро́ча*», «*як вам сказаць*» и др.); включение диалектизмов («*Эта дзяцёнак яшчэ малы́й быў*», «*Вуна халадзі́льнік стаіць*», «*Ну, у яго была кофта расплі́нутая*», «*Яна ўжо ні бача так... Ну, ходзя, но ўжо ні бача*» и др.); использование арготизмов, обценных, жаргонных языковых единиц («*Как убіваў, бляць, не відзеў я. Я прышоў – яна ўжо ляжала*», «*Ю** у гэтай хаце сядзеў, у якой я сяжу шчас*», «*Як очная стаўка прашла, ён мне на́чаў мулі́ пісаць*» и др.); ошибки в согласовании и управлении («*Жэ́ничын двое было́*» при норме рус. «*Же́нщин было́ две*», бел. «*Жанчы́н было́ дзве*»; «*Кроў была́ цэлая лужа*» при норме рус. «*Крови́ было́ целая лужа*», бел. «*Кры́ві было́ цэлая лужа*» и др.); и др.

На основании того, что К** использует в качестве средства коммуникации смешанную белорусско-русскую речь, нормами русского и белорусского языков не владеет и не демонстрирует способности продуцировать высказывания на каждом из них, его уровень языковой компетенции (владения русским языком) был определен как нулевой. Вместе с тем данным уровнем не обуславливается способность К** понимать сообщения, адресуемые ему на русском языке. Подобный тип речевого взаимодействия не является уникальным, он характерен для территорий, на которых совместно функционируют родственные языки, и определяется в лингвистике и социолингвистике как пассивный дуалингвизм [10, с. 38].

Для решения вопроса о понимании / непонимании исследуемые разговоры были разделены на диалогические единства (далее – ДЕ) – тематические объединения реплик, представляющих собой обмен высказываниями, каждое последующее из которых зависит от предыдущего. Лингвистические признаки, связанные с непониманием, рассматривались в рамках системы исправлений, которая представляет собой набор практик, направленных на разрешение различных проблем речевого взаимодействия (говорение, слушание, понимание и даже согласие). Учитывалось также, что кроме инициирования исправления, в бытовой коммуникации непонимание может демонстрироваться в форме отдельных речевых актов, имплицитно или эксплицитно.

Эксплицитно непонимание выражается через сообщение о соответствующем ментальном состоянии с помощью языковых единиц: *не понимаю, не*

пойму, не возьму в толк, не соображу и т. д.; *не могу понять, осмыслить, разгадать, уловить, взять в толк* и т. д.; *не понятно, не ясно*; и др. Имплицитно непонимание может выражаться в таких конструкциях, как речевые акты уточнения, удивления, раздражения, речевой акт молчания и др. [11].

Следует подчеркнуть, что наличие описанных признаков не обязательно указывает на непонимание смысла заданного вопроса или обращенной реплики. Речь может идти о случаях: а) ошибок восприятия обращенной речи, обусловленных как внешними факторами (шум), так и внутренними (отвлечение внимания или другие проблемы на побуждающем уровне восприятия); б) когда демонстрация непонимания используется говорящим как речевая тактика. Иначе говоря, не каждое «*я не понял*» свидетельствует о недоступности смысла услышанного вопроса, оно может быть способом выразить несогласие, уйти от ответа, получить паузу в разговоре и др. Разграничение таких случаев и собственно непонимания смысла сообщаемого представляет собой аналитическую проблему, разрешимую при исследовании контекста, коммуникативной ситуации и специфических индикаторов, указывающих на характер трудностей в речевом взаимодействии.

При анализе ДЕ на предмет эксплицитного выражения К** непонимания адресованных ему вопросов установлено, что во всем речевом массиве фрагменты с такими репликами единичны. Например, в одном из ДЕ К** на заданный ему вопрос, сопровождаемый уточнением «*Вам вопрос понятен?*», ответил: «*Нет, мне не паяцен*». Однако это отрицание не поддерживалось контекстом: в предшествующих репликах К** уже давал адекватный ответ на аналогичный вопрос. В других ДЕ сообщения о непонимании относились не к смыслу заданного К** вопроса, а к значению конкретного слова, о котором у него спрашивал собеседник, например: «*Что ты понимаешь под словом “оговор”?* Ты понимаешь значение этого слова?» – «*Нет, не понимаю*». Здесь отрицательный ответ К** является как раз таки выражением понимания смысла адресованного ему вопроса о значении слова «*оговор*».

Затруднения с ответом у К** вызывали вопросы, содержащие средства официально-делового стиля, фразеологические единицы, а также понятия, выходящие за пределы бытовой сферы. Например, в вопросе «*Кто-то с ней вступал в половую связь?*» предметом непонимания для К** стала характерная для протокольного жанра конструкция «*вступать в половую связь*». В ходе диалога путем замены этой конструкции на просторечную «*спал с ней*» непонимание было устранено (маркер – междометие *a* в последующей реплике К**, выражающее уяснение, удовлетворенное понимание).

В некоторых ДЕ присутствовали речевые акты молчания, следующие за вопросами о причинно-следственных связях («*Почему вы считаете, что именно С** её убил?*» и др.). При семантической декомпозиции предшествующих и последующих ответов К** установлено, что оно (молчание) связано не с проблемой понимания / непонимания заданных ему вопросов, а с проблемой

формулирования адекватного ответа, т. е. с трудностями в подборе необходимых языковых средств, которые оптимально отразили бы денотативную ситуацию. В то же время ответы К**, содержащие признаки непонимания обращенных к нему реплик, не имели отклонений от глобальной темы разговора и всегда были связаны с обстоятельствами убийства; все выраженные случаи непонимания разрешены за счет уточняющих вопросов или их переформулирования, что в целом является естественным для любого диалога.

В заключение следует отметить, что решение нетиповых диагностических задач, связанных с исследованием речевого материала в виде диалога, требует чрезвычайно скрупулезного «семантического протоколирования», т. е. описания в явном виде всех компонентов смысловой структуры каждого из высказываний: его *содержания*, т. е. того, о чем именно сообщается; коммуникативной *цели*, с которой что-то говорится; *способа коммуникации*, т. е. как именно произносится то или иное высказывание. Особое внимание должно уделяться также факторам, определяющим коммуникативную ситуацию: место, время коммуникации, ситуативно-ролевой статус коммуникантов, жанр коммуникативного события, тональность общения и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе : метод. пособие / А. М. Плотникова и [др.]; М-во юстиции Рос. Федерации, ФБУ Рос. федер. центр судеб. экспертизы. М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018. 136 с.
2. Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Теоретические и методические основы производства судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму / М-во юстиции Рос. Федерации, ГУ РФЦСЭ. М., 2011. 330 с.
3. Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму / ФБУ «Российский центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации». М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. 98 с.
4. Изотова Т. М., Кузнецов В. О., Плотникова А. М. Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении. М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2016. 90 с.
5. Осадчий М. А. Русский язык на грани права : Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. 256 с.
6. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста : теоретические основы и практика : учеб. пособие. М. : ФЛИНТА : Наука, 2013. 592 с.
7. Кузнецов С. А., Оленников С. М. Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими : теоретич. основание и науч.-практич. изд. М. : Издательский дом В. Ема, 2014. 312 с.
8. Кирдун А. А., Андреева А. В. Методика производства судебной лингвистической экспертизы, назначаемой по делам, связанным с вербальным оскорблением (проспект) // Актуальные проблемы судебно-экспертной деятельности в уголовном, гражданском,

арбитражном процессе и по делам об административных правонарушениях: мат-лы VI междунар. науч.-практич. конф. (Уфа, 12–13 октября 2017 г.). Уфа : РИЦ БашГУ, 2017. С. 93–100.

9. Словарь социолингвистических терминов / Ин-т языкозн. Рос. акад. наук, Рос. акад. лингв. наук. М., 2006. 312 с.
10. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика: учебник для вузов. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. 315 с.
11. Медведева А. Г. Лингвистические средства выражения непонимания в речевом взаимодействии говорящего и слушающего в английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Иркут. гос. лингвист. ун-т. Иркутск, 2003. 16 с.